

---

## ҚАЗІРГІ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ CONTEMPORARY INTERNATIONAL RELATIONS

---

УДК 327

А. Вежбицки,  
доктор политических наук,  
профессор Института политических наук  
Варшавского университета (Польша)

### ПАРАДИГМЫ ПОЛЬСКОЙ ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СТРАНАМ БЫВШЕГО СССР

#### Аннотация

Автор, применяя исторический и сравнительный анализ, рассматривает польско-российские отношения в контексте польской восточной политики, т. е. политики по отношению к постсоветским государствам. Стараются показать обстоятельства и факторы, такие как идеология, геополитика и история, влияющие на польско-российские отношения последние двадцать пять лет, т. е. период трансформации. Обращает внимание на возможности их улучшения и даже польско-российского примирения.

**Ключевые слова:** восточная политика Польши, Польша, Россия, польско-российские отношения.

#### Аңдатпа

Автор тарихи және салыстырмалы талдауды пайдалану арқылы поляк – ресей қарым-қатынастарын өзге посткеңестік мемлекеттерге де қолданылатын Польшаның шығыс саясаты контекстінде қарастырады. Мақалада соңғы жиырма бес жылда, идеологияның, геосаясат пен тарихтың трансформациялану кезеңіндегі поляк – ресей қатынастарына ықпал етуші жайттар мен факторларды көрсетуге тырысады. Қарым-қатынастарды жақсарту мүмкіндіктеріне назар аударады, тіпті, поляк – ресей ымырапасуына да мән береді.

**Тірек сөздер:** Польшаның шығыс саясаты, Польша, Ресей, Польша-Ресей қатынастары.

#### Abstract

The authors used a historical and comparative analysis considers the Polish-Russian relations in the context of the Polish eastern policy that is policy towards post-Soviet states. Trying to show the circumstances and factors affecting the Polish-Russian relations over the past twenty-five years, this is a period of transformation, such as ideology, geopolitics and history. The author draws attention to the possibility of improving them, and even the Polish-Russian reconciliation.

**Key words:** Eastern Policy of Poland, Poland, Russia, Polish-Russian relations.

В 1989–1990 годах Польша вступила на путь трансформации. Целью политических реформ были возвращение к полному суверенитету, строительство либеральной демократии с парламентской республикой и постепенное создание трёхуровневой системы самоуправления. В рамках социально-экономических реформ были построены фундаменты рыночной экономики на основании радикального варианта реформ, а также осуществлены преобразования в социальной сфере (реформа пенсионной системы, здравоохранения и образования). Коренные изменения произошли также во внешней политике. Польша, соответственно аксиоме Сталина, принадлежала к так называемым сателлитским государствам СССР, что, конечно, влияло на внешнюю политику польского социалистического государства. Когда начинались преобразования, ещё существовал СССР. Несмотря на это, отражением трансформации внешней политики Польши было стремление к вступлению в НАТО и ЕС, т. е. к присоединению к западному сообществу народов. В 1991 году СССР прекратил своё существование, и на польской восточной границе возникла новая ситуация. Вместо одного появились четыре новых государства (Российская Федерация, Литва, Беларусь и Украина). Международная обстановка заставила польское правительство выработать концепцию восточной политики, т. е. отношений с новыми постсоветскими государствами.

Под восточной политикой, с одной стороны, подразумевались предприятия (концептуализация, действия, результаты), которые имели целью наладить отношения с новыми соседями, в том числе на основании двусторонних договоров [2, с. 22].

Одним из восточных соседей Польши стала Россия. 22 мая 1992 года был подписан Договор о дружественных и добрососедских отношениях между Польшей и Россией. В это время казалось, что в двусторонних отношениях наступило действительно новое время, но тогда Польша активно готовилась к реализации стратегии сближения с Западом. Когда декларации начали превращаться в действия, скоро надежды на «новое начало» исчезли, тем более, что Польша активно старалась привлечь к интеграции с ЕС и НАТО соседние постсоветские государства. Польско-российские отношения всегда были проблематичными и очень сложными. Россия, с одной стороны, была новым государством, но, с другой стороны, – непосредственной наследницей СССР. Советское прошлое и польско-советские отношения, особенно в межвоенный период и во время Второй мировой войны, очень сильно воздействуют на современную внешнюю политику Польши. Польский государственный интерес – иметь добрососедские отношения с Россией. В данной статье постараемся доказать, что нынешнее состояние польско-российских отношений вытекает из общего контекста восточной политики Польши, в которой присутствуют три фактора, такие как: 1) идеология; 2) геополитика; 3) история. Однако всегда есть шанс на улучшение и нормализацию отношений, вступление на путь диалога вместо конфронтации, тем более, что, согласно польской поговорке, «соседей никто не выбирает, они данные судьбой (историей)». Для доказанья данного тезиса используем исторический анализ и сравнительный подход. Анализ польско-российских отношений невозможен вне контекста всей восточной политики Польши.

### Идеология

Первым барьером для добрососедских польско-российских отношений является идеология, распространяемая при помощи миссионизма. С начала периода трансформации среди многих польских политиков появилось убеждение о превосходстве демократии по отношению к недемократическим государствам бывшего СССР. Польша только что вступила на путь демократизации, демократия в ней ещё не укрепились, и польские политические элиты стали ее проповедывать другим народам, как будто зная, какая форма правления и политической системы для них лучше. Польские политики рассчитывали на то, что фактором, который объединит восточноевропейские и польский народы, будет противопоставление либеральной демократии московской деспотии. Восточная политика Польши, вместо построения равных отношений со всеми соседними государствами, была направлена на то, чтобы при помощи демократизации создать в Восточной Европе «санитарный кордон», отделяющий Польшу от России. Усилия польских властей и других политиков не были успешными. Для многих белорусов и украинцев польское политическое и культурное присутствие на их территориях воспринималось как колониальная эпоха. Дело не в оценке демократии как эффективной или неэффективной формы правления, хотя у нее нет одного варианта и никто посторонний не имеет права решать, какую форму правления своей страной должны выбрать другие народы. Вопрос, была ли это самостоятельная инициатива Польши или навязанная извне, заслуживает отдельного анализа.

На польский миссионизм повлияло несколько факторов, логически вытекающих один из другого. Во-первых, Польша всегда относилась к Западу с чувством комплекса неполноценности, некритически принимая его идеи и транслируя их восточнее своих границ. Таким образом, Польша определяла себя как проповедник западной цивилизации среди восточных славян. Во-вторых, к территориям Восточной Европы Польша, к сожалению, относилась с чувством культурного и морального превосходства. Выдающийся польский поэт Чеслав Милош рассуждал о причинах данного отношения поляков к русским и пришел к выводу, что его главной причиной не являются религиозный фактор или каталог обид. Главная причина, по его мнению, коренится глубже. В XVI–XVII веках все идеи, произведения материальной культуры и духовные ценности приходили в Польшу с Запада. Если появлялись какие-то восточные изделия, они происходили из Турции. Москва, преобразовывающаяся в Россию, не была в состоянии привлечь поляков чем-то другим кроме военно-политической мощи. Тогда возродилось и укрепились

ощущение культурной пустоты в России, понятие России как «явления не из мира сего» [6, с. 20–21]. Нынешние Белоруссия и Украина в эпоху контрреформации стали территорией конкуренции между католицизмом, за которым стояла Корона, а затем Речь Посполитая, и православием, поддерживавшимся сначала Москвой, а затем Россией. Этот религиозный конфликт, начавшийся несколько сотен лет назад, имел, по существу, политическую и цивилизационную подоплёку. Через обращение в католицизм Польша получала политических сторонников, а в итоге – возможность расширить и упрочить власть над этой обширной спорной территорией. Вероисповедание служило инструментом, который был использован в политической игре начиная с Брестской унии 1596 г. и до наших дней, когда православная церковь обвиняет католический костёл в прозелитизме и «перетягивании» на свою сторону верующих [8, с. 548]. Политика Польши встречала сопротивление со стороны России, целью которой было усиление православия на территории нынешних Беларуси и Украины, а также восточнославянского единства, т. е. распространение концепции России как носительницы истинной Божией идеи (иконы) среди имеющих те же самые корни белорусов и украинцев.

Особым проявлением актуальности религиозно-культурного фактора в польско-российских отношениях было участие Польши в событиях российской смуты в начале XVII в., а потом нажим российских властей в XVIII в. на защиту прав православных верующих в приходящей в упадок Речи Посполитой.

После разделов в конце XVIII века, осуществленных не только Россией, но также Пруссией и Австрией, Польша воспринималась в России как её смертельный враг, предатель славянства, что способствовало мобилизации русского национализма с попыткой официальной языковой русификации польских территорий в составе Российской империи. Значение идеологии в польско-российских отношениях вновь увеличилось после окончания Второй мировой войны, когда Польша стала *de iure* независимым, *de facto* полусуверенным государством. Подобно другим странам, освобождённым Красной армией от нацистов, Польша стала сателлитским государством, в котором СССР навязывал марксизм-ленинизм (советскую идеологию) в государственном строительстве, культ польско-советской дружбы и первого в мире рабоче-крестьянского государства, а также стремление к конфронтации с Западом. В польском обществе СССР отождествлялся с Россией. Благодаря усилиям польских партийно-правительственных лидеров, прежде всего Владислава Гомулки, ценой лояльности СССР Польша обеспечила себе «польский путь к социализму», отличающийся от советской модели, но, конечно, в рамках навязанной идеологии.

В результате развала СССР идеологическое преимущество опять поменяло лидерство. Польша взяла на себя обязанности экспортёра демократии и рыночной экономики в соседних восточноевропейских государствах (Украина, Беларусь, Россия), а также в других государствах бывшего СССР [10, с. 60–61]. Приоритетным направлением стали укрепление независимости и строительство демократии в Украине, рассматриваемой в качестве «стратегического партнёра», который должен создать барьер для возрождения имперской России. Такая же политика была реализована по отношению к Беларуси, но в меньшем масштабе. Польша пыталась воздействовать на режим Александра Лукашенко при помощи польского меньшинства в Беларуси. Речь шла не столько о защите прав польских соотечественников, сколько об изменении политического режима государства, в котором они живут, или принуждении к проведению реформ. Так, поляки в Белоруссии стали политическим инструментом, которым пользуются польские власти в целях демократизации этого государства, а посредством этого – его геополитической вестернизации. В отношении польского меньшинства в Белоруссии речь идёт не о собственно защите польскости, но о формировании на основе польских культурно-национальных организаций политической силы, оппозиционной по отношению к режиму А. Лукашенко. Отстранение от власти сегодняшнего президента Белоруссии связано с надеждой на «вступление» этой страны в Европу – интеграцией с ЕС и НАТО [9, с. 117–118]. Такого рода надежды не обязательно должны сбыться. Подход, соответственно которому геополитическая ориентация страны зависит от одного человека, не является рациональным. Президент Белоруссии критикует Россию, но, согласно данным опроса, проведенного Независимым институтом социально-политических и экономических исследований (НИСЭПИ, Литва), на вопрос: «Если бы

пришлось выбирать между объединением с Россией и вступлением в Европейский Союз», больше респондентов (44,9 %) выбрало бы объединение с Россией, чем с ЕС (34,2 %). Хотя евроцентричный потенциал в Белоруссии достаточно большой, у очень многих белорусов очень сильная пророссийская ориентация, и вряд ли она сможет измениться с приходом к власти другого лидера или режима. Можно даже предполагать, что они будут более пророссийскими, чем нынешняя власть [13].

Поддержка демократии у восточных соседей Польши была не самоцелью, а лишь элементом антироссийской политики, что, конечно, прекрасно понимали в Москве и что стало причиной ухудшения польско-российских отношений. Особенно отрицательно Россия воспринимала польскую инициативу «Восточного партнёрства», целью которой было создание новых возможностей сотрудничества с ЕС части постсоветских государств. Тем более, что она была непоследовательной и не связанной концептуально в одно целое.

Можно согласиться с тезисом российского историка Олега Неменского, что одним из важнейших факторов, формирующих сегодня польско-российские отношения, является историческая конкуренция двух цивилизационных миссий – польской и российской, интересы которых пересекаются сегодня на территории Белоруссии и Украины. Оба государства, как для Польши, так и для России, являются частью их исторической национальной территории [16, с. 26].

Понимание политики в качестве миссии всегда ведёт к конфликту идеализма и реализма. Польша не в состоянии стать противовесом для России в постсоветском пространстве, даже вместе с ЕС. Не для всех стран бывшего СССР Россия, как ошибочно воспринимается у нас, представляет собой угрозу их суверенитету. Демократизация является также той перспективой, на основании которой оценивается в Польше политическая система России. Польские политики и СМИ поддерживают всех, кто выступает против нынешней российской власти, хотя многих из них вряд ли можно назвать демократами (например, Эдуард Лимонов). У России, как и у многих других стран мира, свой вариант демократизации и путь к ее осуществлению, своя политическая традиция и политическая культура.

В Польше очень распространено мнение, что если Россия станет в нашем понимании демократической – тогда не будет представлять собой имперской угрозы. Демократия не является гарантом отсутствия имперских тенденций: в мире есть страны, которые признаются демократическими, но их международная миссия заключается в распространении демократии в явно имперских целях, а результаты этой миссии плачевны. Также одна из самых либерально-демократических партий в российской истории – Конституционно-демократическая партия – не отказывалась от сохранения, хотя и внутренне преобразованной, Российской империи с Царством Польским в ее границах [14, с. 60].

### Геополитика

Детерминантой восточной политики Польши в последние двадцать лет стали восприятие России в качестве «вечной угрозы», которая заново хочет подчинить себе Польшу, и антироссийская истерика, распространяемая СМИ, особенно за последний год в связи с событиями в Украине. Геополитическое положение между Россией и Германией воспринимается как «созданное историей проклятие», из-за которого не может произойти ничего хорошего. Если учесть далекое прошлое, конечно, эти опасения в какой-то степени оправданы. Но если учесть последние двадцать пять лет, т. е. время трансформации, в российской политике по отношению к Польше невозможно указать действия, создающие угрозу польскому государству. Вообще, в Польше царит убеждение, что отношения с нашей страной являются для России центром ее внешней политики и что Россия ждёт соответствующего момента для повторного покорения Польши. Если для поляков отношения с Россией имеют «судьбоносное» значение, то для России, государства с мировыми амбициями, отношения с Польшей – это маргинальный аспект.

С геоэкономической перспективы положение Польши могло бы стать источником контрактов, выгодных политически и экономически для нашего государства, например, в энергетической отрасли, которые в большей степени связывали бы Россию с западными партнерами. У Польши появилась бы возможность стать стратегически важным транзитным

государством, от которого зависели бы поставки энергоресурсов в Западную Европу. Таким образом, энергетическая зависимость, которой так боятся польские политики, могла бы стать более симметричной.

Парадоксальные действия Польши в странах Восточной Европы, особенно в Украине, усердная поддержка происходящих там процессов в 2004–2005 и 2013–2014 годах создают ситуацию, при которой Россия воспринимает Польшу как возрождающуюся региональную империю. Возвращение и воплощение в жизнь «ягеллонской идеи» вызывают ассоциации с польской экспансией в XV–XVII веках. С польской перспективы этого не видно, но как писал Юлиуш Мерошевски, любое возвращение к империализму в Восточной Европе – польскому или российскому – станет причиной дестабилизации всего континента [5, с. 355].

«Центр тяжести» польской восточной политики концентрируется в Украине. «Миссия» Польши на востоке Европы направлена против главного соперника в этом регионе – России. Проукраинский настрой польских элит основывается на убеждении, «что без независимой Украины нет независимой Польши», но независимость Украины принимается тогда, когда ее политика более западно-, чем россияноцентрическая. В связи с событиями в Украине создается впечатление, что польские элиты решили «проглотить» украинский национализм как «меньшее» зло и объединиться с ним против «большого» зла – имперской России [15]. Ситуация в Украине способствует дальнейшему пробуждению антироссийских и антирусских настроений, которые всё время тлеют в сердцах многих поляков. Польша предпринимает рискованные меры по отношению к России, делая это с чувством морального, даже цивилизационного превосходства, как учитель демократии, прав человека и международного права в отношении провинившегося школьника. Особенно исторической была позиция Польши по поводу присоединения Крыма к России. Конечно, с одной стороны, результаты политики России могут в будущем обернуться против нее, учитывая этнофедеральный характер российского государства. Но, с другой стороны, надо понимать, что Россия имеет объективные основания считать постсоветское пространство зоной своих интересов. Сугубо болезненным вопросом с российской перспективы является расширение НАТО, поскольку, согласно российскому подходу, распад СССР и прекращение действия Варшавского договора создали новую геополитическую ситуацию, в которой существование НАТО в качестве противовеса не имеет смысла. Поэтому каждое расширение НАТО, тем более всё ближе к границам России, рассматривается как военная угроза. Членство в НАТО, например, Украины, чего добивается Польша, и потенциальное присутствие натовских баз в Крыму не согласуются с российской военной доктриной.

Детерминизм Польши в защите интересов Украины удивляет, если учесть несколько факторов. Во-первых, потенциальное вступление Украины в ЕС невыгодно для Польши с экономической перспективы, потому что модернизация Украины будет реализовываться ценой финансовых средств, которые могли бы быть использованы в Польше. Во-вторых, несмотря на польскую поддержку, Украина не отменяет эмбарго на польское мясо. В-третьих, это позиция Украины по поводу массового убийства поляков на Волыни Украинской повстанческой армией в 40-ых годах XX вв., которое официальные украинские власти не хотят признать. Наоборот, в стране происходит героизация УПА.

Исследователь международных отношений Станислав Белень утверждает, что у России больше преимуществ в постсоветском пространстве, в т. ч. в Украине. У России есть жизненные интересы в Украине, которых нет у ЕС. Она является единым субъектом, способным принимать решения. В ЕС многие страны имеют свои интересы, не всегда совпадающие с политикой целой организации. У России больше возможностей для применения политических, экономических и военных мер воздействия, а также для обеспечения реальных гарантий безопасности. Россия доминирует в информационном пространстве постсоветских государств, чему способствует распространение русского языка (ок. 100 млн нерусских в постсоветских странах общается на русском языке) и присутствие русской или русскоязычной диаспоры. Россия ожидает от своих постсоветских партнеров лояльности, но не выдвигает требований демократизации, соблюдения прав человека, борьбы с коррупцией, отстранения основанных на традиции авторитарных режимов [7]. Кроме того, ЕС, как олицетворение Запада, ассоциируется также со сложной

экономической ситуацией, особенно в еврозоне, а также с угрозой безопасности со стороны НАТО.

### История

Третьим фактором, который осложняет польско-российские отношения, является история. Не надо ожидать, что польская и российская точки зрения на события, особенно последних ста лет, будут совпадать. Для Польши неприемлема российская интерпретация Второй мировой войны, речь идет как о ее начале, развитии, так и о последствиях, поэтому однозначное восприятие действий СССР невозможно. Для польской стороны не имеет значения, какими намерениями руководствовался Сталин, заключая союз с Гитлером, даже если самыми благородными. В их результате произошли четвертый раздел Польши, Катынь и депортации населения. Россия немножко пренебрегает катынской трагедией, пытаясь оправдать свой подход тем, что «у нас своих Катыней тысячи» и «польский Катынь» для нас не самая важная проблема. Речь здесь идёт о местах казни и захоронения репрессированных в сталинское время граждан СССР. У польской стороны, конечно, такой подход не вызывает понимания. Потом Красная армия освободила Польшу от нацистской оккупации, но для многих историков, политологов, публицистов «штыками заменила один тоталитаризм другим». Польша стала *de iure* суверенным государством, но *de facto*, соответственно аксиоме Сталина, – звеном «внешней» империи СССР.

Российская интерпретация Великой Отечественной войны совсем другая. Она началась только в 1941 году. Союз с Гитлером был неизбежным шагом в подготовке к будущей войне, а Красная армия ценой миллионных жертв освободила значительную часть Европы от нацизма. Если для Польши Вторая мировая война поводом усиления чувства мученичества, то в России ВОВ стала одним из компонентов российской идентичности. В связи с взаимной интерпретацией истории возникают следующие вопросы: 1) Неужели эти различия в интерпретации новейшей истории должны быть неопреодолимым барьером в двусторонних отношениях?; 2) Должна ли история определять будущее народов и государств? Конечно, нет. Пусть у каждой стороны останется своя правда. Хорошим шагом в этом направлении была публикация в 2010 году сборника трудов польских и российских учёных в рамках Российско-польской группы по сложным вопросам [1]. Они нуждаются в дальнейшем углублении, но первый шаг сделан.

Идеология, геополитика и история повлияли на возникновение эмоционально-психологического конгломерата взаимных обвинений, претензий, стереотипов. Как в таких условиях развивать взаимные отношения?

### Перспективы развития и улучшения польско-российских отношений

Ответ на заданный вопрос может быть только один – да, возможно развитие, улучшение отношений, а в будущем даже польско-российское примирение. Прямого ответа как этого достичь, конечно, нет, но надо учесть несколько условий.

1) Историю оставить профессиональным историкам. Их задачей должно быть честное изучение исторической правды на основании доступных источников. Там, где это возможно, прийти к общим выводам, а там, где это невозможно, не уменьшать искусственно различий. Основанием будущего должны быть правда и взаимопонимание.

2) Самопожертвование – улучшение отношений, примирение требуют компромисса. Самоограничение в артикуляции своей позиции является искусством, помогающим избежать провокации, напряжения и не возбуждать недоверия. Суть в том, чтобы представлять свою позицию уверенно, но не навязчиво. Взаимные ограничения ведут к демонстрации доброй воли, способствуют уступкам и бескорыстным решениям. Государства начинают действовать в пользу «совместного выигрыша».

3) Концентрация на интересах, а не на ценностях. Для Польши самым главным до сих пор были ценности, для России – интересы. Надо поддерживать отношения с такой Россией, какая она есть, а не ждать такой, какой хотят польские политики. На первом месте должен быть государственный интерес, а не попытка повредить другой стороне, как писал Роман Дмовски [4, с. 33]. Польше необходима политика, соответствующая прежде всего ее интересам, а не интересам других, западных государств.

4) Использовать, несмотря на происходящую секуляризацию общественной жизни, всё ещё сильный, мобилизационный потенциал религии – католицизма в Польше и

православия в России. Визит патриарха Кирилла в Польшу в 2012 году и подписание совместной декларации двух церквей – польской римско-католической и русской православной – основание для продолжения не только религиозного, но и польско-российского общественного диалога. Существенную роль могут играть также православная церковь в Польше и католическая в России.

5) Преодоление взаимного недоверия, отказ от дегуманизации и демонизации другой стороны. Объективизация взаимного имиджа. Развитие контактов в сфере культуры.

6) Обмен молодёжью, студентами, изучение польского и русского языков, межвузовское сотрудничество.

### Выводы

В сложившейся ситуации в связи с кризисом в Украине и прежде всего вооружённым конфликтом в Донбассе вышеуказанные возможности преодоления взаимных барьеров и нормализации польско-российских отношений представляют дальнейшую перспективу. Всё то положительное, чего удалось достичь в последнее время, т. е. до начала кризиса в Украине, а даже ещё раньше – до смоленской катастрофы польского самолёта с президентом Польши Лехом Качынским на борту – кажется потерянным. Воссоздание нормальных и прагматичных, т. е. взаимовыгодных, отношений кажется в нынешней ситуации очень сложным, но не невозможным. Проблема в том, что Россия – могучая держава и может себе позволить реализацию самостоятельной внешней политики мирового масштаба. Польша – государство среднего значения в международных отношениях, и ее политика ограничена другими государствами или организациями. К сожалению, Польша взяла на себя роль инструмента политики других государств по отношению к постсоветскому пространству.

Ошибкой Запада, чреватой своими последствиями, до сих пор было отстранение России и других постсоветских государств от участия в новой, европейской или евроатлантической системе безопасности, которая должна быть создана вместе с Россией [3]. Можно это считать результатом победы в холодной войне и стремления к созданию униполярного мира с гегемонией США, а также подхода к России как перманентной угрозе. Это, конечно, влияет на польско-российские отношения. Пока в Польше не будет терпимости к праву России защищать свои интересы в постсоветском пространстве (в т. ч. в Украине) и пока Польша не прекратит обвинять Россию в нарушении демократии и прав человека, путь к нормализации польско-российских отношений, не говоря уже о возможном примирении, будет очень длинным и ухабистым.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Białe plamy – Czarne plamy. Sprawy trudne w polsko-rosyjskich stosunkach 1918-2008. Pod red. Adama Daniela Rotfelda i Anatolija Torkunowa. Warszawa 2010.*
- 2 *Bielen S. O polskiej polityce wschodniej // Polityka Wschodnia. 2012. № 1.*
- 3 *Das schwierige polnisch-russische Verhältnis oder Polens Nachbarschaftspolitik im Schatten Russlands // polen-heute.de/das-schwierige-polnisch-russische-verhaeltnis-oder-polens-nachbarschaftspolitik-im-schatten-russlands-12031 (20. Februar 2015).*
- 4 *Dmowski R. Polityka polska i odbudowanie państwa. Warszawa, 1926.*
- 5 *Mieroszewski J. Finał klasycznej Europy. Lublin, 1997.*
- 6 *Miłosz Cz. Rosja. Widzenia transoceaniczne. Tom I. Dostojewski – nasz współczesny. Warszawa, 2010.*
- 7 *Prof. Stanisław Bielen: losy Krymu zostały przesądzone // www.onet.pl (14.03.2014).*
- 8 *Wierzbicki A. Konflikty wyznaniowe na Ukrainie // Przestrzeń polityki i spraw wyznaniowych: Szkice dedykowane Profesorowi Januszowi Osuchowskiemu z okazji 75-lecia urodzin / Peł. B. Górowska. Warszawa, 2004.*
- 9 *Wierzbicki A. Nacjonalizm i geopolityka w Europie Wschodniej // Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich / Peł. S. Bielen. Warszawa 2012.*
- 10 *Zięba R. Poszukiwanie międzynarodowej roli dla Polski – konceptualizacja roli państwa „średniej rangi” // Polityka zagraniczna Polski po wstąpieniu do NATO i do Unii Europejskiej. Problemy tożsamości i adaptacji / Peł. S. Bielen, A. Skrzypek. Warszawa, 2010.*

11 Автором этой концепции является эмиграционный писатель Юлиуш Мерошевски, который публиковался в журнале «Культура», издаваемом в Париже редактором Ежи Гедройцем. В более широком значении концепция называлась УЛБ (Украина, Литва, Беларусь). Речь шла о развитии сотрудничества с самоопределившимися соседями Польши в контексте польско-российских отношений и в перспективе объединения Европы. Hoffman I. *Konsepcja wschodnia paryskiej «Kultury» po transformacji ustrojowej w Europie Wschodniej* // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. Rok 10 (2012). Zeszyt 1.

12 Катынь – расположенное недалеко от Смоленска место казни польских офицеров, взятых в плен Красной армией в 1939 г. в результате исполнения пакта Риббентроп-Молотов о разделе зон влияния в Средне-Восточной Европе.

13 Лукашенко будет убеждать электорат, что в кризисе виновата Россия // [naviny.by/rubrics/politic/2015/01/17/ic\\_articles\\_112\\_188014/](http://naviny.by/rubrics/politic/2015/01/17/ic_articles_112_188014/) (22.02.2015).

14 Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением Высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданнейшего доклада графа Витте. Москва, 2001.

15 Прямо признал это в декабре 2013 г. один из польских политиков Павел Коваль: «Сейчас не время спасать розы, когда горят леса. Прокомментировать программу Свободы, которую не поддерживаем, придёт время, но сейчас концентрация на ее содержании – это ослабление оппозиции в Украине, значит, относительная поддержка Партии регионов. «Не о том речь» // *Co posi w sercu Ołeh Tiahnybok* // [www.onet.pl](http://www.onet.pl) (25.04.2014).

16 «Так русская и польская идентичности, сформировавшиеся в современном своём виде в разные эпохи и ностальгирующие по очень разным столетиям, пересекаются территориально: вся Западная Русь (состоящая ныне из Украины и Белоруссии) – это пространство, которое привыкли считать своей национальной территорией и русские, и поляки. [...] На этом противоречии основана и принципиальная разница в восприятии исторических событий и политики в отношении друг друга». См.: Неменский О. Поляки и русские: народы разных времен и разных пространств // *Вопросы национализма*. 2010. № 3.

Дата поступления статьи в редакцию 13.03.2015